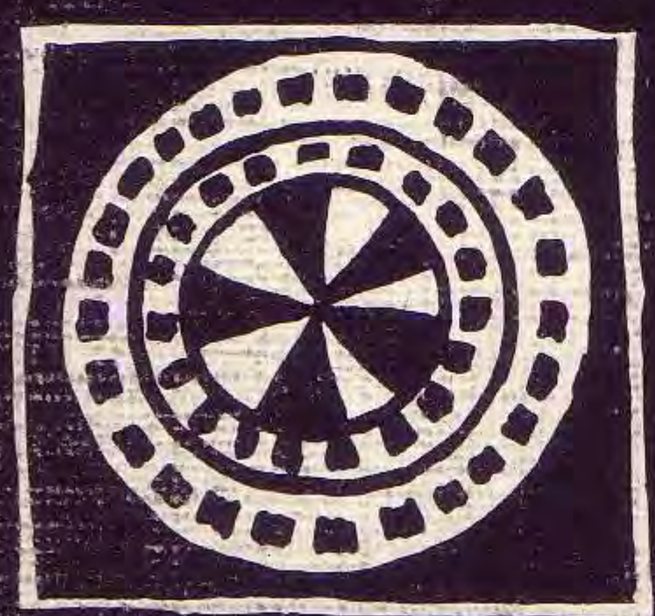
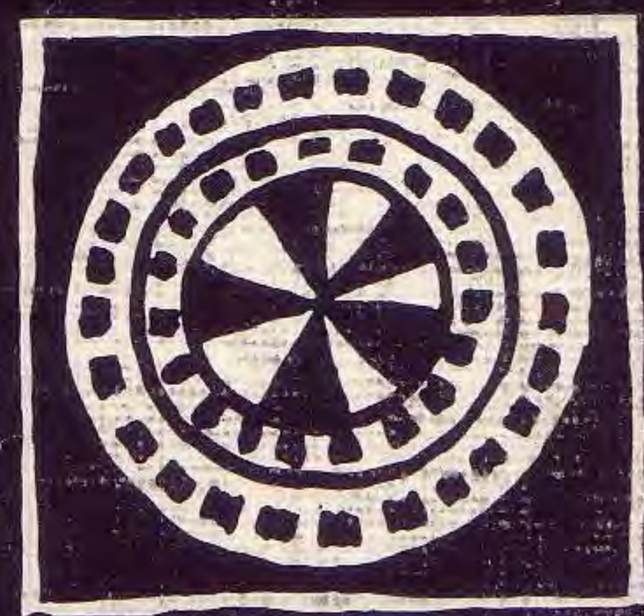
902.7
П 33

Лебедев, Ю.Б. Симченко

АЧАЙВАЯМСКАЯ ВЕСНА





902.7
Л33

В.В. Лебедев, Ю.Б. Симченко

АЧАЙВАЯМСКАЯ ВЕСНА

663723

Москва
«МЫСЛЬ»
1983

Камчатская
областная библиотека
ИНВ. 863723

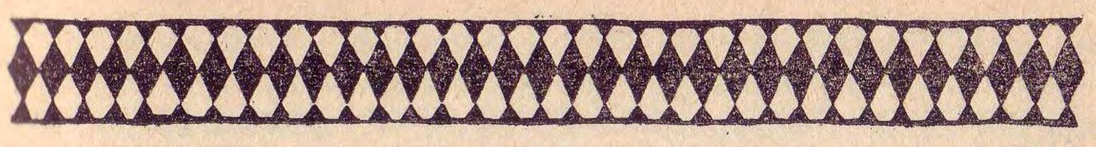
ББК 63.5(2)
Л33

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент канд. исторических наук
Ларькин В. Г.

Л $\frac{1905020000-135}{004(01)-83}$ 157-83

© Издательство «Мысль». 1983



КРУГЛЫЙ КАМЕНЬ

Вездеход снаружи являл собой грозное зрелище. Отовсюду торчали стволы ружей — и одноствольные, и двуствольные. Когда-то, очень давно, кто только сюда не ездил! Привозили, конечно, и оружие. Ценность для местного населения оно представляло огромную. Поэтому старики никогда не выбрасывали ружей, даже если те ни на что и не годились. В свое время они, а может быть их предки, за них столько уплатили, что выбросить, конечно же, рука не поднималась. Давно и замки поломаны, и патронов таких сыскать невозможно, а ружья все-таки живут.

Вот и сейчас здоровенный парень Ятгиргин, устраивая себе на крыше вездехода сиденье, заботливо укладывает тульскую двустволку двенадцатого калибра. В двух местах на стволах поставлены самодельные стяжки — скобы, приваренные довольно грубо. Цевье обмотано проволокой, ложе украшено выразительной жестяной заплаткой. Чувствуется во всем заботливая, но к подобным работам не привыкшая рука, и отнюдь не рука мастера.

— Что не сменишь, Ятгиргин?

— Зачем менять,— застеснялся парень, ласково оглаживая старое оружие широченной ладонью,— еще поживет, постреляет... Эту двустволку мне отец подарил. Я из нее стрелять учился. Я из нее попаду хоть спросонья, хоть на бегу, хоть как... Привык. Я ее понимаю... Новое купить — просто. К другому ружью когда еще приспособлюсь...

Ятгиргин сделал на двустволке кое-какие приспособления. Внизу к ней прикреплен самодельный шомпол, на концы стволов надет кожаный чехольчик, чтобы снег не попадал. К чехольчику пришиты два длинных ремня. Ремни завязаны за скобу, предохраняющую спусковой крючок.

— Можно посмотреть ружьишко?

— Берите,— бурчит Ятгиргин с явным неудовольствием.

Чудо! Стволы отдраены на совесть. Сияют. Смазаны строго по армейскому уставу. Неусыпная забота прямо бросается в глаза. Для Севера такое дело — редкость. Обычное положение — оружие век не чищено. Так заведено у самодийцев — ненцев, энцев, селькупов или же у нганасан. Даже у таких природных промысловиков, как эвенки, редко кому в голову приходит чинить или же чистить оружие. Можно, конечно, найти старые кремневые или же пистонные флинты, которые имеют следы починки, да и то самой простой. Нынче люди удивительно легко расстаются со своим охотничьим снаряжением. Да и ухаживают за ним менее ретиво. То ли оружия стало много, то ли по цене доступно оно каждому. Во всяком случае заботливое отношение чукчей к ружьям выглядит чуть ли не особой чертой характера.

Ружья торчат и из окон кабины. Стало быть, на охоту рассчитывают и водитель с зоотехником.

— Все, что ли? — спрашивает Ваня, водитель нашего экипажа.

— Все! — отвечает Ятгиргин.

— Тогда — вперед!

Мотор взревел. Мы ринулись через задний борт в кузов.

Только теперь стало ясно, кто едет, а кто провожает. Вместе с нами в кузове оказались двое стариков, женщина средних лет и совсем молодая пара. Провожающих осталось значительно больше.

В кузове тесновато. Понемногу разбираем свои вещи и укладываем их. Под низ идут шкуры, спальные мешки, рюкзаки с одеждой.

У заднего борта стоят привязанные бочки. Одна — с бензином, другая — с маслом. Они постоянно передвигаются, приплясывая. Только начинаем обертывать их шкурой, как они сдвигаются или же, напротив, разъезжаются, намереваясь отдавить руки. Наконец на них набрасывают оленьи шкуры, и места возле них, только несколько минут тому назад считавшиеся самыми неудобными, становятся наиболее комфортабельными. Вездеход идет по снежному участку. Алмазная пыль клубится за кормой, оседая на одежде праздничными блестками. Мои очки быстро покрываются снежной пленкой, и смотреть становится трудно. Но постепенно все устраиваются поудобнее, кладут повыше ноги и пристраивают что-нибудь под голову. Теперь самое время или спать, или же заниматься каким-либо делом. В кузове совсем и не холодно. Можно и рукавицы снять. Достаем свои бумаги — выписки, сельсоветовские документы.

Здешний сельсовет называется Ачайваямским — по речке, возле которой стоит центральный поселок. Сельсовет относится к Олюторскому району Камчатской области. Олюторский район располагается на восточном берегу Камчатки. А где находится Камчатка, каждый знает, даже плохой ученик, которого «ссылали» на заднюю парту за леность. Коренное население Ачайваямского сельского Совета представлено чукчами, эвенами и коряками. Большинство коренных жителей по официальным документам — чукчи. Их около 330: 150 мужчин и 180 женщин, 69 семей. Эвенов только 35 человек: 15 мужчин и 20 женщин, 9 семей. Коряков — 7 человек.

Территория эта ранее, столетие тому назад, была искони корякской, а большинство в наше время здесь составляют чукчи. Откуда они здесь? В самом деле, люди, которые считают себя ими, чукчи ли по происхождению? В этнографии имеется достаточное количество примеров, когда забывалась истинная национальная принадлежность и приписывалась совершенно другая. Примеров множество.

Еще около сотни лет тому назад этнографы застали сам процесс «превращения» одних народов в другие. Не так уж давно, по сибирским масштабам, на Колыме и Индигирке некоторые группы тунгусов (эвенков) перенимали юкагирский язык, юкагирскую культуру и многие считали себя юкагирами. Самым непонятным в этой истории было то, что в других местах юкагиры, как самостоятельный народ, постоянно уменьшались в числе, сливаясь с соседними народами, часть за частью высвобождали собственные кровные земли. Эти земли заселялись другими. Мелкие юкагирские стойбища все более и более плотно окружались иноплеменниками. Это, естественно, ускоряло процесс ассимиляции. То девушки юкагирские шли замуж за представителей иных народов, то парни юкагирские брали себе жен других национальностей. Этот процесс как лавина: чем дальше, тем скорость выше и разрушения мощнее.

И на фоне таких общих «разрушительных» явлений мельчайшие группы юкагиров окрашивают в юкагирские краски более крупные группировки тунгусов. Почему?

Однако к нашему времени эвенков (тунгусов) стало больше, чем было, а юкагиров осталось только три сотни человек с небольшим.

Есть и другой пример, правда, несколько иного толка. В наше время на реке Таз, в ее верховьях, имеется солидное число северных селькупов. Эти люди официально значатся селькупами, считают себя сельку-

пами, говорят на селькупском языке и сохраняют различные элементы действительно селькупской духовной культуры. Стоило только проследить происхождение каждой из нынешних селькупских фамилий, как выяснилось, что предками их были вовсе и не селькупы.

Нынешние фамилии произошли в основном от ненцев, энцев, кетов, тунгусов и хантов. Однако большой уверенности в том, что незначительное число остальных фамилий и являются селькупскими, нет. Создается такое впечатление, будто в этом месте разные по происхождению люди в результате смешенных браков дали начало новой народности — селькупы. Их язык и некоторые другие элементы культуры, отличающие один народ от другого, совершенно самобытны.

Наконец, есть еще пример того, как возникают совсем новые народы. На Таймыре и прилегающей к нему с юга территории живут долгане. А всего только семь-восемь десятков лет тому назад никакого народа долган в природе не существовало. Здесь коренными жителями были нганасаны и энцы. Жизнь у нганасан и энцев прежде не была сладкой. Когда русские в XVII веке пришли на Таймыр, центр Таймыра — «земля Пясидцкая» была столь же таинственной и опасной, как Центральная Африка для европейцев во времена Ливингстона. Русские сборщики дани — «ясака» — с сокрушением писали о том, что к этой самой Пясиде подступиться невозможно. Она еще долго для всего мира оставалась «терра инкогнито».

Все же за две сотни лет на эту землю проникли кое-какие переселенцы. С юга пришли русские по Енисею. Их в этих местах стали звать «сельдюки» за то, что они промышляли много пресноводной сельди — ряпушки. Из таежных дебрей выходили на Таймыр эвенки и оседали там. С востока шли отдельными семьями и целыми группами семей якуты.

Настоящей близости с хозяевами этой тундры не возникло, хотя и не было вооруженных столкновений. Однако нганасаны не сближались ни с русскими, ни с тунгусами, ни с якутами.

Для русских, якутов и тунгусов соседи оказались настолько чужими, что они нашли больше общего между собой, чем с ними. Среди русских, тунгусов и якутов на Таймыре появились смешанные браки так быстро, что уже при жизни одного поколения они восприняли единый язык — диалект якутского, стали называть себя по одному из эвенкийских родов — «долганы», а в культуре чего только не унаследовали — от христианства до шаманизма, от пушкинской «Сказки

о рыбаке и рыбке» до тунгусской легенды о небесном охотнике.

Да и в наши дни переселится, скажем, семейство из Якутии и работает на Таймыре, числится какое-то время якутами, а дети уже относят себя к долганам. Так что количество долган увеличивается так быстро, как снежный ком в теплую погоду.

Ну а примеров ассимиляции, примеров того, как мелкие группки сливались с более многочисленными и сильными соседями, столь много, что и приводить их не стоит. Подобные явления сами собой разумеются, и ничего таинственного в них нет.

Эти знания нас отнюдь не утешали. От нас требовалось прежде всего определить, кто такие ачайваямские чукчи. То ли они в самом деле потомки коренных жителей соседней Чукотки, то ли они произошли от представителей других народов и в какое-то время стали относить себя к чукчам. А в этом случае надо было уяснить, являются ли они потомством однородной в национальном отношении группы или же разных объединившихся групп. Вариантов здесь могло быть великое множество. Пожалуй, настало время объяснить, для чего все это нам надо.

Сейчас многих ученых занимает вопрос о механизме наследования человеком различных признаков. Для того чтобы постичь сущность этого механизма, изобретено несколько приемов. Один из них — изучение генетических характеристик крови. Этих характеристик в наши дни насчитывается более полусотни. С одной стороны, их достаточно много, а с другой — ничтожно мало, так как этих характеристик, или, как говорят специалисты, «маркеров», столько, что настоящее число пока и назвать невозможно. Само собой разумеется, что закономерности в возникновении определенных комбинаций маркеров крови и соответственно каких-то признаков удобнее всего изучать на примере так называемой замкнутой популяции. Замкнутая популяция в применении к человеку — это, грубо говоря, группа, которая существует, размножаясь без участия пришельцев.

В идеале хотелось бы найти такую группу людей, которая когда-то имела ограниченное число предков, потом достигла определенной численности и дожила до наших дней, воспроизводясь только внутри себя. Желание это несбыточно. Таких идеально «чистых» групп в природе не существует, да и ранее вряд ли были.

Из множества требований, которые предъявляются генетиками к замкнутой популяции как к объекту

изучения, есть и оптимальная численность людей. Плохо, когда исследуемая группа имеет менее пяти сотен человек. Можно, конечно, работать и с меньшей группой, но выводы не будут достаточно достоверными. Поэтому хочешь или не хочешь, а надо искать группы до восьмисот человек. Сотни три обычно сбрасываются по разным причинам, и статистика остается вполне приемлемой.

Лет двести тому назад, а может быть и того меньше, подходящую для генетиков группу можно было легко отыскать. Наши собственные предки жили в классически замкнутых популяциях, женились по преимуществу на своих же деревенских, а уж в национальном отношении однородны были образцово. Однако времена эти прошли. Генетики слегка опоздали. В наши дни полигон деятельности исследователей замкнутых популяций сужается неумолимо. Надо захватить то, что еще можно. Возможности буквально ускользают из рук.

Несколько лет назад генетики начали изучать нганасан. Даже в масштабе всего человечества нганасаны являли собой исключительный пример. Они прямые потомки самого древнего населения Евразии, сохранившие древнейший культурный уклад, строгие правила определения кровнородственной близости и порядок заключения браков. Работа с ними была закончена недавно. Специальная лаборатория в Новосибирске изучала генетику и физиологию этого маленького народа. Теперь подведены итоги. Руководителем этой лаборатории сказано буквально следующее: «Страшно подумать, что эта работа могла быть начата, скажем, хотя бы на пять лет позже. Уже сейчас нет тех древних стариков, которых мы застали, уже сейчас есть столько детей, родившихся от смешанных браков, что следующее за ними поколение нганасан будет нганасанами разве что наполовину. Еще через поколение нганасаны будут существовать только в названии».

Ачайваямские чукчи заинтересовали нас тем, что они давно обособились в отдельную группу. Теперь предстоит составить генеалогию на каждого человека — выяснить, от кого кто происходит и в какой родственной связи все эти люди состоят между собой.

Работа требует терпения и тщательности.

Вездеход рявкнул и стал. Мотор посопел немного и затих. Стало слышно, как в металлических кишках машины переливается горючее.

Хлопнула дверца, и шаги заскрипели по снегу возле заднего борта.

— Уснули? — спросил Иван, отстегнув покрышку кузова и забросив ее вверх.

— Вездеход кормить будешь? — спросил его один из пожилых чукчей.

— Точно.

Люди зашевелились. Мы первые вылезли наружу и стали распаковывать бочку с машинным маслом.

Старики легко перепрыгнули через борт, совершенно не сообразно с возрастом, и отошли немного в сторонку.

Иван налил масла в банку из-под сухого молока. Масло текло густое, как патока. Все-таки холодновато.

— Ух, замерз, — сказал один из стариков, улыбаясь.

Крепкие белые зубы без изъянов. Гладкая без морщин кожа. Вытатуированная точка на переносице и два кружка возле уголков губ не портили лица. В мочки ушей продеты тоненькие ремешки с нанизанными бисеринками. Щеголь — по всему видно. Да и жена балует мужа: вся одежда новенькая и очень красивая.

— По коням! — командует Иван.

Мы снова лезем в кузов и опять принимаемся за устройство своих мест.

Вдруг вездеход как на стенку наткнулся. Иван что-то его чересчур резко осадил.

— Чельгат, — раздался голос зоотехника, — пойди-ка глянь, что за следы.

Мы снова полезли наружу. Старина Чельгат перемахнул через борт и побежал вперед. Мы пошли за ним.

Наш путь пересекла цепочка огромных следов размером с суповую тарелку. Можно было и глазам не поверить. Едем по суше, а следы зверя, которые невозможно спутать ни с какими другими. Следы одного из самых заядлых мореходов Арктики — белого медведя.

— Белый медведь, — невозмутимо поясняет Чельгат.

— То-то и я думаю, — смущенно говорит зоотехник. — Откуда?

— Здесь белый медведь всегда ходит. Место тут узкое. Он с восточного берега ходит на западный и обратно. Их тут видели люди. Я сам как-то видел.

Здесь не самое узкое место Камчатского полуострова, и белому владыке арктических морей приходится долгонько топать по суше. По льдам — ему привычнее. К тому же не понятно, что перегоняет его из открытого Берингова моря в Пенжинскую губу.

— Далеко здесь от берега до берега.

— Очень-то не далеко. — Чельгат присаживается на корточки и чертит ножом по искрящемуся насту. — Вот она, наша Камчатка... Видишь, как листик ольхи,

длинная-длинная. Здесь вот у нее черешок. Это — наша земля. Вот тут, на юг от нас, Карагинский залив. Здесь корякская земля. Тут, между Оссорой и Ильпырским, и есть самое узкое место. Не знаю — ходят ли там медведи с берега на берег. Может быть, для них там слишком тепло и людей многовато. А здесь они всегда ходили. Здесь, смотри вот, и дальше на север, место поровнее. Тут кончается Олюторский хребет — горы поменьше.

— По коням! — командует Иван.

Задний борт в обрамлении брезента вездехода очень похож на киноэкран, когда смотришь из кузова, как из темного зала. На экране проходят кадры, которые потом будут сниться. Вот видны отроги Олюторского хребта.

Олюторский хребет показан не на всех картах полуострова Камчатка. На обычных картах указывают Срединный хребет — «позвоночник» этой страны — да Пенжинский, уходящий на Чукотку. Олюторский хребет и поменьше этих, и пониже.

Вездеход оставляет за собой долины, лесистые перевалы, каменные осыпи.

Снега в этом году мало. Старожилы говорят, что и не помнят, когда за зиму выпало так мало снега. Морозы, однако, стоят суровые. Все речки промерзли почти до дна.

Вездеход ползет по лесу, стоящему во льду метра на два от земли. Возле стволов уже вытаяли лунки с южной стороны. Луночки правильной формы, как вмятины от яйца в мокрой глине. Лед горбатится между тополей, перекрученных лиственниц, прямых рябин, островов кустарника и завалов сушняка. Склон крутой. С этим потоком мог справиться только могучий морозище. В некоторых местах вода застыла волнами, ступенями.

Мимо проплывает расселина, заткнутая обломком породы размером с избу. Вода еще осенью заполнила получившуюся чашу, а холод превратил ее в лед. Лед выперло вверх и разломало на куски. Они сейчас обтаяли и искрятся, словно хрусталь.

Наш ковчег меняет направление хода, все лучи из хрустальной россыпи потухают, и только один огонек продолжает переливаться малиновым, синим, зеленым...

Кочкарник. Машина натыкается на закраину болота и встает в нерешительности.

— Вылезай! — кричит Ваня.

Вездеход (уже без нас) тащится, перемалывая кочки

высотой до метра и более. Они стоят именно на таком расстоянии, что вездеход проваливается между ними. Кочки промерзли и стали словно каменные.

Иван, видимо, вспоминает службу в танковых войсках. Он ведет машину как на маневрах. То попятится и с разгону врежется в строй кочек, то методически крушит и давит их гусеницами, метр за метром продвигаясь к спасительному краю болота.

Мы бредем толпой, разминая затекшие ноги, обходя кочки. Среди них встречаются настоящие великаны. Если бы не снег, то болотина была бы подобна картинке из детской книжки про Африку: высокие травы саванны и термитники. Травы сухие здесь и вправду подстать африканским, кочки очень похожи на термитники, только поменьше. Однако вокруг совсем не африканские сопочки, горные кручи, осыпи и лед, лед.

Вездеход выходит к реке. Дорога — как шоссе высокого класса. Речка, по которой мчится вездеход, покрыта таким ровным льдом, что, будь у нас коньки, можно было бы мчаться как на самом лучшем катке. Берега невысокие — небольшие террасы над руслом, а дальше — склоны горушек и холмов. Смеркается. Солнце уже зацепилось за край самого высокого хребта и скоро нырнет за него совсем. Впереди, на излучине речки, темнеет нагромождение плавника. Ваня поворачивает машину на берег и с разгону преодолевает крутой подъем.

— Перекур, — сообщает он.

— Чаевать давай, — решает Чельгат и первым выскакивает наружу.

Как будто пружина скрыта в старике. Движения легкие, как у юноши.

Завал огромен: лежат вырванные с корнем мощные стволы. То ли паводок их сюда притащил, то ли водой со склона смыло. Некоторые бревнышки потерты — путешественники. Их изрядно помотало по ручьям и речкам, прежде чем они остановились в этой излучине.

Иван машет топором. Зоотехник Анатолий Арсентьевич вспарывает ножом консервные банки с тушенкой и сгущенным молоком.

Женщины мигом распалили костер и уже пристраивают над огнем сразу три чайника. Они уперли в снег длинную жердь и положили ее на треногу из вильчатых толстых палок. Один конец этой жерди поместился над костром. На нем и висят чайники.

Пожилая чукчанка стелет на снег брезент, выкладывает на него буханки хлеба, кусок масла, вытряхивает из мешка юколу.

— А ну, побыстрее,— командует Иван,— а то вода замерзнет!

Замерзнет вода! Постоянная угроза для трактористов и вездеходчиков. Морозы здесь злые. Чуть застынет мотор — прихватывает воду в системе охлаждения. Если остановился на мало-мальски продолжительное время — сливай воду. Даже если она и не успеет заледенеть, то холодный мотор завести очень трудно. Поэтому на коротких остановках все делают очень быстро.

Однако никого и погонять не надо. Хлеб раскромсали мигом, разделили сливочное масло и консервы. Чай заварен прямо в чайниках. Огненно-горячие кружки поставлены в снег — пускай охладятся. Снег под кружками вытаял, и они опустились в образовавшиеся гнезда. Надо торопиться, а то чай совсем остынет. Юкола приготовлена из красной рыбы, главным образом из кеты, кижуча и чавычи. На глаз отличается только по толщине пластин высушенного рыбьего мяса. Приготовлена она одинаково. С рыбы снята шкура вместе с мясом, мясо нарезано поперек мелкими дольками. Оно благородного темного вишнево-красного цвета. Каждая юколина длиной в полметра, а шириной — в ладонь.

Старики едят юколу одновременно с остальной пищей. Чельгат, например, откусывает кусок хлеба с маслом и перед тем, как запить его чаем, отправляет в рот по дольке юколы. Когда мясо съедено, он кладет шкуру в костер. Рыбья кожа вспыхивает — на ней жир горит,— скручивается и чернеет.

— Можно попробовать?

— Пробуй, пробуй,— Чельгат сует в огонь одну юкольную шкурку за другой, обдирая с них мясо.

Чукчанка также торопливо подкладывает к огню рыбьи кожицы.

— Вот еще,— кивает она.

Все-таки мы здесь гости.

Юкольная шкурка оказывается очень вкусной. Она легко жуется и оставляет во рту вкус копчености. Непривычно одно — нет соли. Чукчи не солят юколу. Все традиционные блюда также готовятся без соли. Многие старики вообще не едят соленую пищу. Одного такого, по имени Кеккет, мы уже видели. Он пришел в гости и отказался есть нашу еду, объяснив, что очень солоно, что он всегда ест все без соли. Сидел у нас старик и только пил чай. Даже вкус соли, говорил старик, ему неприятен.

Трапеза кончена. Иван опять пошел заправлять вездеход. Народ притих возле костра. Маленький огонь,

а все греет. Солнце уже скрылось, и все густеет алая краска зари. Хребты и сопки выделяются на алом черными силуэтами.

Чельгат вытягивает руку:

— Вон, видите ту сопку?

— Это ту, где чернеет пятно сбоку?

— Нет, вон ту, где наверху стоит что-то.

— Видим, видим.

Над общей панорамой возвышается приметная сопка с какими-то предметами наверху.

— А теперь рядом, маленько пониже, сопку видите?

Рука Чельгата направлена на отдельно стоящую чуть-чуть ниже первой.

— На той сопке, самой высокой, стоит круглый камень. Он ровный-ровный, как шар. Когда-то здесь коряки жили. Тут у них стойбище было. Места здесь рыбные. Коряки летом ловили рыбу, сушили юколу. А зимой охотились — ставили на куропаток и зайцев силки, добывали снежных баранов, диких оленей и лосей. Так и жили. А потом, говорили старики, пришли наши давние предки с оленями. Они все пастбища искали. А может быть, они со своими поссорились, с оленеводами, которые на Чукотке остались, и сюда пришли, чтобы не воевать со своими.

Говорят, эти места проведали пастухи. Раньше чаучу-оленеводы все время пастбища новые искали. Они ходили далеко-далеко от своих. Или же пешком бегали, или на оленях ездили. Если находили чужих людей, то старались с ними мирно поладить.

Вот, старики рассказывают, на это место какие-то молодые чукчи пришли. А может быть, и не пришли, а только их коряки увидели, как они где-то близко со стадами появились.

— Только встретили их коряки недалеко от своих мест. Они сами, коряки, далеко ходили от своего стойбища и увидели, как чаучу-оленеводы со стадами в их сторону идут,— уточняет пожилая женщина.

— Правда. Правильно. Пускай так,— соглашается Чельгат.— Тогда,— продолжает он,— говорят коряки: «Эти чужие люди с нами воевать будут. Они могут нас с этой земли прогнать. Здесь нас мало живет. Только на свою силу мы надеяться можем. Надо как-то пугать этих чаучу. Надо им показать, что мы очень сильные, сильнее их».

Задумались коряки, старые и молодые. Думали, думали, а потом средний из них и говорит: «Надо, чтобы наши парни какой-нибудь знак поставили на видном месте, что это — земля сильных людей».

Один силач из коряков говорит: «Ладно, я попробую

это сделать. Я знаю камень один. Приметный камень — его многие, кто здесь ходит или у нас был, знают. Этот камень с перевала. Он совсем круглый. Руками ухватиться невозможно. Этот камень никто никогда поднять не мог. Из наших корякских людей многие его пробовали поднять — силы не хватало. Я попробую теперь. Я много старался, три года я упражнялся и теперь попробую этот камень поднять и принести на видное место».

«Ты надорвешься, наверно,— ему старики говорят,— надо что-нибудь не такое тяжелое сделать. Если ты надорвешься, кто нас защитит?»

«Если втащу и надорвусь — пускай,— отвечает,— зато я вас этим защищу. Чукчей вон сколько идет. Они — люди оленные, могут быстро на оленях еще людей привезти. Всем тогда не спастись».

«Ладно,— старики сказали,— пробуй!»

Этот силач тогда пошел на перевал и взял камень, который приметный. Поднял он этот камень и унес. Не знаю, останавливался ли он отдыхать.

— Три раза бросал на землю и три раза поднимал,— уточнила женщина.

— Вот, вот,— согласился Чельгат.— Он три раза клал его на землю и три раза отдыхал. Если вы близко будете, то пойдите посмотрите на камень. Сами попробуйте его поднять. Таких и людей сейчас нет, чтобы могли поднять этот камень. Его просто руками ухватить трудно. Он гладкий, ровный. Мой брат был силач. Он мог этот камень только от земли оторвать и сразу же его отпускал. Говорил, что все кишки вниз опускаются и вздохнуть нельзя — ребра прямо трещат... Все-таки этот корякский силач донес камень вон до той сопки, что совсем немного поменьше. Он так подумал: «Только до этого места мне сил хватит». Как он внес, то упал там и умер.

— Не умер,— поправила женщина.— Он до яранги еле-еле дошел, и у него потом изо рта все время кровь текла. Он еще долго жил. Только у него руки и ноги тряслись и кишки снизу вылезали. Он и ослеп. Исхудал, говорят, а потом только помер.

— Пусть так,— согласился Чельгат,— только старики после этого говорили: «Теперь мы можем спокойно жить. Теперь оленные люди, как такое увидят, на эту нашу землю с оленями приходить не будут». Однако они ошибались, эти корякские старики.

Сколько-то времени прошло, один раз утром проснулись люди, одна женщина наружу горшок понесла.

— Какой горшок?

— Старинный горшок, чтобы из теплого полога по

нужде наружу не бегать и детей не гонять. Их раньше из древесного наплыва делали. У меня еще есть один такой старинный... Оседлые люди просто мочу наружу выливали, а оленные делали возле яранги столбик из снега и мочу на него выливали. Это для того, чтобы олени возле яранги держались. Олени весной мочу ищут. У чукчей всегда были деревянные горшки. Потом стали покупные держать...

Вот с таким горшком и вышла женщина-корячка из яранги, а потом вбегает сразу же обратно, бросив горшок. Белая-белая от испуга, вся дрожит. «Что испугалась?» — спрашивает ее муж. А она только на вход рукой показывает.

Муж сразу лук схватил, стрелы, наружу выскочил. По сторонам все внимательно осмотрел и говорит тихонько, но так, чтобы в яранге слышали: «Выходите, беда. Беда».

Все люди — и старики, и маленькие ребята — вышли наружу. Им мужчина говорит: «Посмотрите на сопку».

Туда посмотрели и не увидели там камня, который их силач притащил. Как и сегодня, эта сопка без камня со всех сторон хорошо видна. Посмотрели они по всем сторонам и видят — этот камень теперь на другой сопке положен. И другая сопка выше той. Это значит — надо было с одной высокой сопки камень снести на другую, повыше, втащить на ту высоту, где его еще не было.

Потом думают: «Какую это надо силу иметь, чтобы такое сделать? Наш человек три раза отдыхал, прежде чем камень на гору внес. Вчера поздно вечером этот камень еще на старом месте был. А сегодня, совсем ранним утром,— на другой сопке, которая дальше от старого места, чем первая, где раньше был камень с низкой сопки.

Значит, совсем сильные люди эти чаучу. У нас таких сильных людей нет. Лучше мы с ними воевать не будем. Попробуем с ними мирно жить. Пусть они со своими стадами приходят. Потерпим. А может быть, уйдем к морю, к другим корякам, которые морского зверя бьют. Там мы сильнее будем...»

Не знаю: остались ли они, эти коряки, и стали с чукчами мирно жить или же ушли на побережье.

— Ушли,— утвердила женщина.

— Пускай так. Пускай ушли.— Чельгат задумался, глядя на затухающий огонь.

— А больше эти коряки никогда сюда не приходили?

— Как не приходили?— встрепенулся Чельгат.— Перед образованием колхозов еще сюда приходили корякские богатыри. Вот поедем, я по дороге покажу

вам место, где мой инив — брат моего отца с коряком боролся. Тогда оба погибли... Вот дураки были! Как будто землю делили!.. Совсем дураки...

Теперь и народа больше, и никто никому не мешает... Сколько народа напрасно погибало!

— Расскажите, пожалуйста.

— Потом. На культбазу приедем...

— По коням,— донесся призыв Ивана.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРУГЛЫЙ КАМЕНЬ
3

КУЛЬТБАЗА № 1
17

КОРРАЛЬ
35

АЧИХАНЬВАЯМ — АКЯКВАЯМ
48

СРЕДНИЕ ПАХАЧИ
56

ПЕРВАЯ ШКОЛА ЧЕЙВИЛЬКУТА
82

УМЕТЬ РАССТАТЬСЯ
127